

ПЛАЧ ПО БЛЕЙКУ

Андрей
Тавров

РУССКИЙ ГУЛЛИВЕР

Андрей Тавров
Плач по Блейку
Серия «Поэтическая серия
«Русского Гулливера»»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42316135

*Плач по Блейку:
ISBN 978-5-91627-208-6*

Аннотация

«Плач по Блейку», являясь по преимуществу книгой, провоцирующей спрятанную реальность выйти из тени и обозначить себя в стихотворении, состоит из трех частей – «европейской», «китайской» и «общемировой», воспринятой через универсальное пространство плача-ламентации, единого почти для всех мировых культур. Философские темы книги соседствуют с прямым, почти что «чаньским» созерцанием простых вещей. Поиск внутренней карты человека и ее главных «городов и океанов» – неисчезающих этических ориентиров – вводит книгу в косвенный диалог с мировоззрением таких авторов, как Блейк, Скворода, Заболоцкий, Циолковский, Э. Левинас, Р. Данкен.

Содержание

I		5
	АНГЕЛ БАБОЧЕК	5
	ЩЕЛЬ	7
	БЛЕЙК И МЛАДЕНЕЦ	8
	ГОГОЛЬ В РИМЕ	10
	СЕРЕДИНА	12
	СТЕКЛЯННЫЕ ДИРИЖАБЛИ	14
	БЛЕЙК И АНГЕЛ	16
	РЫБА	18
	БЛЕЙК МЕЖДУ ОЗЕРОМ И ВАКСОЙ	19
	ВЕЛАСКЕС	22
	АНТИГОНА	24
	«Дистанцию вложить в коня...»	26
	ЖОКЕЙ 2	27
	БЛЕЙК. ВОРОБЕЙ	28
	ЛЕВ И ЛЮБА	31
	ЛИР	33
	«Давняя история с флагом...»	35
	ШАР	36
	ПРЕВРАЩЕНИЯ	37
	РОЩА ЭВМЕНИД	39
	«Смерть приходит с конскою головой...»	41
	СНИГИРЬ	43

СНЕГ	44
СНЕГ 2	45
«Расскажи, ракушка, вырванным языком...»	48
СОБЫТИЕ	49
ТОВИТ	50
ЧЕЛОВЕК-КОЛОДЕЦ	52
«Куда уходит юла, пока стоит...»	54
ОСЛЕПЛЕННЫЙ СОБОЙ	55
НЬЮТОН	56
МЕЛХИСЕДЕК	57
БЛЕЙК. ФРАГМЕНТ 4	58
ПТИЧИЙ ПРОРОК	60
«Дельфин безбородый...»	63
«Запредельного неба брус...»	64
ИЗ ПЕСЕН НЕВИННОСТИ	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

А. Тавров

Плач по Блейку

I

ПЛАЧ ПО БЛЕЙКУ

АНГЕЛ БАБОЧЕК

Ангел бабочек на север идет, как мешок
с высыпавшейся мукой, если нет мешка.
Он себе кажется со стороны луной,
а людям он след блуждающего мелка.

Каждый в нем – бабочка, стоящая на лету,
как звезда с бессмертной головой —
превращается в дерево, лебедя или тайную наготу,
невмочь от пенья остаться самим собой.

Он идет и трубит в зеленую как трава трубу,
и авианосец идет как овца за ним,
а матросы порхают на вертолетном кругу —
каждый как стая, как неохваченный дым.

В нем смешались с траурницей – белизна
капустницы, свет смешался и мрак,
и он отражается в зеркале как весна,
а в другом – как конь апокалипсиса и прах.

Не обернись на него – умрешь!
лучше и дальше играть в костюм,
в любовницу, армию, медный грош,
в дольче, в габбану, вообще, в парфюм.

Вот он смотрит в тебя глазами, что состоят
из тебя и земли, тебя и реки времен,
и он плачет и пляшет, и слезы его горят
васильками и бабочками без лиц и людских имен.

Он проходит как облако, зеркалами его не взять,
не зацепить рукой, и пуле он невидим,
и расширено облако криком нездешних стай,
волочащихся сдутым куполом вслед за ним.

А заглянет в реку – обращается в деготь, в кровь,
только бабочки в горле шумят, словно крови бег,
и ты – сам из бабочек – ложишься как долгая бровь
в бабочкин снег – в далекий стеклянный снег.

ЩЕЛЬ

Горящий человек заходит в сад,
он в языках огня, и крик как сад,
он видит, как в саду стоит олень,
и видит щель меж ребер, словно свет.

Он смотрит в щель, а там стоит олень,
такой же, только больше и точней,
и как из-под двери, горит в нем свет,
и кто-то тихо говорит за ней.

Горящий человек глядит сквозь щель
и видит там оленя из слюды
и звезд, и вышел он на мировую мель,
и там стоит среди живой воды.

И щель горит в ребре, а там, за ней
стоит олень, и мирозданье всё
кружит в хрусталике на дне зрачка,
и щель горит в его боку, за ней

стоит горящий человек, весь в языках,
и щель в его боку полна огня,
и шепчет рот ее: нет, ты не прах,
ты – это свет, что сотворил меня.

БЛЕЙК И МЛАДЕНЕЦ

Уильям Блейк парит в дирижабле, а дирижабль в другом
парит дирижабле, а тот в Уильяме Блейке,
странная, если взглядеться, фигура, как снежный ком,
вывернуть в капли из садовой лейки

и поместить в сферу неба, откуда берется дождь.
Блейк идет в сторону Оксфорд-стрит, его спина в
пламени,
замечает подкидыша на пороге,
берет его на руки, видит драконьи крылья,
но не отбрасывает, а что-то шепчет в ухо.

Уильям – тертый калач! Сатана, говорит Уильям,
это неправильное слово, правильное – Force, Сила,
и несет дитя в приют мимо
трактиров, набережных, инвалидов,
мимо луж, телег, хлопающих калиток,
мимо служанок, клерков, грузчиков, открытых окон,
Уильям идет как разорванный кокон,
ставший бабочкой в воздухе достоверном,

мимо матросов, баров, мимо таверны
с государственным флагом, славься и правь морями,
бабочка с выгоревшими бровями!

Первая сфера Англии – ангел по имени Сандальфон,
снег на него сыплется со всех сторон.

Совість – это форма пространства и речи.

У Блейка на спине зажглись все свечи.

Любовь это то, что формирует формы, гнет брег и губы,
но щадит тростник и рыбацкие шляпы.

Младенец умирает, совсем синий, но Блейк донесет
младенца,

он донесет младенца,

завернув в свое сердце бум-бум, в свое сердце бум-бум —
одно и то же сердце для лошади, рыбы и бабочки.

Наших форм не видят ангелы, все это бред собачий
про нежных ангелочков.

Язык смерти – все, что мы тут столь важно делаем и
вещаем —

им неведом, и сами мы им неведомы.

Ангелы видят сердце Блейка – что-то вроде безрукого
и безногого инвалида, в лучах плывущий обрубок,
что-то вроде пустой байдарки на зеленой реке —
звезда Престолов.

ГОГОЛЬ В РИМЕ

Николай танцует на площади, а птица в небе,
чарторыжская липа цветет, майор Ариэль!
Что произойдет, то вновь повторится
раз в миллион лет карамелькой под языком.

Николай, он из плаща и носа, из башмака и каштана,
он Себастьян из молочной буквы, из дыма под языком,
оскал его волчий, и плачет глаз-горемыка,
зыблема жизнь – полиэтиленом на рогах у лося.

Твердая твердость есть в Риме, легкая тяжесть,
зрячая зрячесть есть в нем и вещная вещьность,
кровная кровь и солнечность кровли есть в Риме,
и птица спешит по гнездо в небесах тороватых.

Вдохнет он себя, а выдохнет серебро
Дона-реки, ни с кем ни знаком, ни рыба, и ни Тарас,
качает себя на кровати – ребро напоказ,
ах, гули-гули! ах, Коленька, ах баю !

Идет и уходит, как снег под лучом в овраг,
плавит себя до черепа и ноги,
уже на свободе и призрачен, словно враг,
когда жизнь на луну уносят, блеснув, штыки.

От письма-человека остается сфера, стекло,
как от птицы яйцо, от туши сгнившей – жакан,
от всего остается сфера в сфере другой,
объятая третьей, и в ней стоит ураган.

Катайся, круглись, стучайся, закругляй,
пока живешь и бормочешь вещи или слова,
себя узнавая как край, выступивший за край
себя самого как карта, как синева.

СЕРЕДИНА

Птица летит птице навстречу,
к себе приближаясь, к себе приближаясь, к крику.

Не видно зеркала, и к зайцу бежит заяц.

А белые ноги и белая грудь
дрожат от натянутых изнутри пружин.

И рыба плывет к рыбе.

Чжун юн, говорит Кун-цзы, держись середины.

Но зеркала нет.

Встречаясь, они исчезают,
чтоб появиться в ангеле
или в кабане, или бумажном кораблике,
в чашке кофе, в ампутированной ноге,
в ночной фиалке, реже в человеке.

Рыба это не рыба, это почти рыба.
Буква это почти буква, а тело почти тело.
Шрам это почти шрам.

Мы с тобой нащупывает друг друга

как медузу в вазелине желеобразными пальцами.

Мыслит ангел вещами,
а вода рыбой,
и то, что не изменится в мертвом
или в дереве,
и есть середина.

СТЕКЛЯННЫЕ ДИРИЖАБЛИ

Воздух, как лев, лежит и лижет себя,
вылизывает золотой завиток,
что август-иероним переписал, сопя
в сухую книгу реки, в световой глоток.

Лев уходит на водопой, к музыке береговой,
буква скользит над водой,
а ты исчез, словно лишний вес,
отраженный косою косою.

Соберешь себя разве, тварь, из хлопка на том берегу,
из мелка в деревянной школе, чей мучим след?
из белой юбки, задранной на бегу,
с которой, крестясь, пошел по бассейну свет?

Мальчик на самокате, чайка, куски
льва – то сгустятся, то снова жужжат осой,
липа цветет не с той световой руки,
не обнаружить себя не обнаруженным собою собою.

Стеклянные дирижабли парят над Москвой —
разжиревшим городом лишних букв,
неразличимы в небе, как ангел в степи пустой,
как шваркнуть в воду стеклянный бой —
не перевернет его плуг.

Стеклянные дирижабли, шурясь, шевелят волну,
добавляют шелеста липам, хвалы холмам,
запятую Иерониму и Иеронима – льву,
из живых их никто не видал, даже Аллах.

Их отсвет – в ветре, от них скулы воют в любви
и голова прозрачна наутро в ответ,
когда с переметной искрой в глухой крови
поднимает тебя на дюйм позвоночный свет.

Я шел как пауза меж двух остальных —
разбитой колбой и распавшимся колесом,
и меня не было ни в ребре, ни в памяти их,
стеклянные дирижабли рассматривали мой висок.

БЛЕЙК И АНГЕЛ

Блейк говорил мне ржавчиной лепестком
лоб изломан как углем утюг
речь его внутрь языка ощупывала планеты
выдохи мертвых от коих
всходил он как воздушный шар из горелки
моллюском длинным и кровью и взглядом

огурец с семенами солдат
во ртах небесная глина как будто шмель
воздушный корабль с нетленной ротой

Ангел – то что валится
валится без передышки
как водопад и другие планеты
водопад и синяя сойка
небоскреб и девица в объятьях
и земля и горб что валится в гроб
и грот
и пуля в любимый лоб
валятся в ангела ангел валится в них
встречаясь с собой как в зеркало
нежданно зашедший младенец
рождают себя взаимно

Скорлупа в урагане

пустое яйцо – не качнет его буря
 не шевельнет звезда
 я целую сопливых детей
выбираю вшей из волос
вынимаю серу из уха

ангел валится грудой гниющих тел
стонущим деревом
 теуч как камень как рыбу поймать водой
но не ощупать влаги себя
эфира же перст – ангел

не скорлупа тебе в ветре – эллипсоидная пустота
мать что туга тобой сейчас ты выйдешь вовнутрь
рыкающий как тигр со слюдяным крылом с женской
грудью
не осязаемый собой не узренный
самому себя осязать не можно ни пламени ни земле
с ее сыном культяпым внутренним мертвецом

в вопле примешь себя
сгущаясь в вихорь несущий в зиму леса
в замерзшее дыхание в ноздрях

РЫБА

Сердце рыбы стучит себя обогнать
и рыбу в дева поймать.

Из лесок натянутых дева глядит,
из лесок натянутых холм.

Из лесок натянутых пламя встает,
семью языками – речь,
в любой черепахе летит самолет,
горит три дюжины свеч.

Где рыба, там яма и ангела вдох,
и неба прореха и холм,
и лесками держится на разрыв
форма лица людей.

И дева могилой полна и лучом,
чело белоснежно ее.
А рыба по небу плывет ручьем,
звезды кипят за ней.

БЛЕЙК МЕЖДУ ОЗЕРОМ И ВАКСОЙ

В теле Блейка самолеты и цапли,
кокаиновые облака и индейские ружья,
в каждой клеточке тела,
все равно что стеклянной – по звезде и речному камню.
И знает Блейк, что Адам в утробе, себя повторяя,
становится названными именами —
теми, что сам произнес:
поочередно деревом (позвоночник и ребра) ,
коровой (легкие, хвост) ,
рыбой (жабры и губы) , птицей (жажда полета) ,
рекой – красный круг крови по телу,
и заново вызревает в утробе Адам, путешествуя
по увиденным им телам, которые создал именовани-ем,
когда Бог
искал ему помощника и не нашел, и вот, наконец, найдя,
Адам
становится Блейком и тем, кто вместит в себя
все метаморфозы, все плачи и роды.

О птица Англия! Я принес тебе святость, твоим садам и
мельницам, книгопечатням и
портам, твоим зеленым холмам и рекам. О, Альбион !

Сестра

гальциона! О зимородок! Англо-славянский гимн !

О ручьи и ангелы ! На широкое блюдо, на широкое озеро,
я, Уильям, кладу свою голову

с зажатыми губами, с соломинками в ноздрах,
чтоб можно длинно дышать,
пока засыхает свидетель-гипс.

Роняю свою голову, поклеванную птицами,

с вырванным языком, вынутыми глазами; я, Уильям,
новые даровал ей чувства, подобранные в пыли и в
серебряном

небе с самолетом и Архангелом Михаилом, новые
ноздри, глаза,

скулы, и пара ласточек несет в облаках госпожу Элизабет
Тибль

– поющую Минерву во всемирном небе.

Я принес вам святость!

Я, Уильям, между озером и ваксой
расположился с удлинённой таксой.

Со мной моя утешная подруга.

Так, словно карты сдвинули друг друга, —
становятся любовники длиннее.

Становятся и озером и лугом,

ручьём, длиннее таксы и бойчее.
Становятся единственным солдатом,
в единственном остановившись небе,
крыла стрекоз собравшим в синей крепии,
индейским, всяческим, продолговатым.

И гребни речки кудри фей
расчешут гребешком хрустальным,
Архангел слово скажет ей
пустопорожними устами —

они лишь колбы для огня
и слова, что нашло меня.
Чтоб, как в морозы на реке,
на медной застывать доске:

1. Ищущий невозможного предстоит его Владыке.
2. Увидеть реальность, что обуздать Единорога.
3. Пьющий синее небо – не умирает.
4. Ложись в челнок с подругой и никогда его не теряй, он прижмет вас друг к другу среди бурунов.
5. Любить – это подтирать за щенками, ангелами и стариками.
6. Не разъединяй устами Бога и человека, разъединяя сами уста.
7. Ты рожаешь людей и звезду, а они тебя.
8. Не верь словам без ритма, в котором живет Бегемот.

ВЕЛАСКЕС

Дон Диего по улице идет
с тростью, с попугаем на плече,
лицо разошлось в ракетку со стеклянными струнами,
тихо свистит ангельские песни рот во рту,
губы в губах.

Сизые сумерки. Автобусы паркуются у трибун.
Стадион сдвинут сам в себе,
словно пловец в стекле фальстарта.
Зрители и колонны в тенях сдвинуты,
как вода собирается разойтись в миг,
когда расколотый аквариум исчезает,
а лунная протрация рыбки все еще длится.

Автобусы из Барнаула, Костромы, Праги.

Сирень-суламифь зацветает,
хватая лиловым ртом воздух Сатурнова круга,
как пламя кусает пламя,
траектории пчел застыли медными проволоками —
не лицо – спутанное перекасти-поле.

Дон Диего – это листопад,
сам себе листопад, сам в себя,
кровь и лица в листве, и ни шагу назад,

пяткой асфальт серебря.

Кто вложил в него руку и вынул пустой и живой,
оставив с нее перепонки незнамо где,
кто говорил с ним вместо глазниц – собой
и повис на висках дирижаблем
запутанным в наготе ?

Кто ему розы дарил – бутоном в цветущий рот,
кто пясть золотил, кто мальчик шептал вдоль белой
руки, целуя Сатурнов мускул и грот,
и сиренью дрожал серебряной, оробелой?

Кто вещей квакал лягушкой и бил в барабан,
кто в щель за ухом проник собой серафимом
и в след ступни свой лоб погружал как баран
с намотанным небом в рогах, оставаясь незримым?

АНТИГОНА

Ты черная клякса на странице,
гнездо без птицы —
начало тоннеля,
мертвая вода, что гладит русалкой лоб,
сдирает наядой водяную кожу,
визгом птичьим обглаживает кости в помете.
Хрустит, переливаясь,
будто стеклянный бой под солнцем.

Есть нечто, назовем филином, который есть дева —
твое скрытое имя, что удержит могилу на размытом
погосте
и солнце в небе, когда небо свернулось.

Внутренности мои зеркальны как термос,
встают радугой меж двух фонтанов.
Красный цвет, бесполоя кожа, девичьи мускулы,
больше под языком, чем на руках!
Антигона – внутренность баржи
в мазуте, где плавает фаллос Крона,
где плавает нечто, назовем это фаллос бога,
огромный, раздутый,
сон в черном аквариуме, ртутная трель соловья.

Чернота, вывернутая в себя разрывом мины,

вывернутая из земли, почти что из человека —
вот как рождается кровавое тельце
в тонкой вене у твоей ключицы.
Фарман в шаре с винтом, летящем
вокруг башни, назовем так
черный куб убитого брата,
вынутый из земли, вставленный в небо
вместо луны и солнца.

Антигона, пожирающая детские кроватки,
воздушные шары и дельфинов,
влагающая черную голову с нежными губами
в девичьи подушки, выпевающая звуки,
от которых умирают птицы,
а роженицы рожают без боли,
бормочущая, считающая зерна в колосе,
чтоб довести слепца до Колона —

моя пясть состоит из тебя,
мои губы,
моя чешуйчатая в серебре смерть,
нет имени стеклянному мосту меж нами,
нет имени.

«Дистанцию вложить в коня...»

Дистанцию вложить в коня,
как дюйм и ласточку в циклон,
и мускулов костер креня,
стянуть разбег в надежный стон.

Так девять выпуклых небес
вращают мускулистый бег,
и вложен в финиш неба вес,
что бегом вынут из-под век

ЖОКЕЙ 2

Он согнут был и на коленях зол,
и ветром по щекам исхлестан,
как будто трусики тянул с упрямых бедер,
а не поводья, и не совладав,
так и исчез за финишной чертой.

А в море белый кит лежит,
как белый айсберг с выгнутым хребтом,
и ждет Ахава, словно цеппелин
собой ощупать дождевую каплю.

БЛЕЙК. ВОРОБЕЙ

Мы поднимались с Ангелом по лестнице,
за пазухой у меня был воробей.

На Земле, – сказал Ангел, —
для воробья одно слово,
(я произнес это слово: sparrow, old stager,
я увидел его) . —

На Луне – другое, и он промолвил его,
и воробей изменился, а я почувствовал,
как сдвинулся мой череп.

И когда мы поднялись до Юпитера,
и я произнес «воробей» ,
я понял смысл звезд и речи
Серафимов и Престолов,
и почему есть смерть и боль,
хотя здесь их и не было,
и почему написаны книги, а любовь
не умирает, и каждого сверчка ведут
через мрак Архангелы.

А выше еще, в Первосвете, не стало слов,
каждый звук вмещал все смыслы,
всех людей, ветви, кораллы, зверей и звезды.

Вы на Земле слышите только

дно слова, можно сказать, его пятку, —
произнес Ангел, – но в пятке живет все тело.
Ступайте !

Я иду по Лондону к мистеру Флаксману,
Я слышу львов сердца, гарпий ума,
у меня на плече сидит воробей,
он в снегу до бровей и в словах до бровей,
говорит глаголы, сжимает существительные,
существительные птиц, домов и людей,
имена существительные – в имена существующие:
в матросов, в гравюры мистера Флаксмана, в
снегирей,
положим, его никто не видит после вознесения
к Источнику, но я-то вижу его, в отличие, скажем,
от мистера Суинберна.

Лети, снежок, как свет,
другой дороги нет,
как та, в которой ты
из имени стал свет.

И снегу из-под туч
свети, свети, окно,
чтоб Боттичеллев луч
сжимал двоих в одно.

И нас влечет туда,
вотще и напролом,

словесная пята
с неистовым крылом.

ЛЕВ И ЛЮБА

Из пасти твоей, из писти ее
вытащим язык и алый платок,
мокрый от крови и в язвах
от речи. Люба, в драке ты воешь,
харкаешь и плюешься,
схватив со щита пожарный топор,
красная брызжет слюна
и, расходясь, пустеет радиус тебя —
полоумного льва,
вывернутого в вывернутой воронке
наружу своей же печенью, легкими и клыками,
в ситцевой юбке, кривоногая.
Как зализывала коленку на сене под школьным
крыльцом,
и Рафаил нес тебе еврейскую землю в сердце своем
с Лао-Цзы, Иоанном и птицами,
ибо ты распалась на птиц,
Орехова Люба,
на сопли, сгустки крови и снегирей
и теперь стоишь меж птицей и львом,
где стоят великие.
Скорее всего, тебя убили в драке или
пропала в советской колонии,
Любовь Орехова, 1 2-ти лет, дурочка.
Люди входят в себя как в храм

или как в камеру,
это как кому повезет,
кто-то живет у парашаи,
кто-то восходит меж птицей и львом.

ЛИР

Лир несет себя, как фонарь,
освещающая гарь, как звонарь
колокольню в месяц январь,
колотая меж губных,
что завел пономарь.

Мир несет себя, как фонарь,
вместо света какая-то лимфа, что ль,
какая-то нимфа, липкая словно скотч,
а в сердце кривая боль —
то ли кровь стучит, то ли дочь.

Ах, не дайте мне языка,
гуттаперчевого казака,
склизкого, как звезда,
как лопасть весла.

Освещу я себя самого —
освежеванного левиафана
сердца прорванного своего,
куда его пыл уплыл, пламя куда ушло ?

Я сошелся в шар, разошелся ликом,
расточился бликом в рыданье великом,
и стою я, ночная спина,

между двух костров человек
из дождя и снега, из сна
и из крови, и входит снег
в мою грудь сердоликом.

«Давняя история с флагом...»

Давняя история с флагом
когда идешь по безлюдной
 утренней площади
а он едва шевелится на балконе
 в ветре с моря
и из него проступает
голова дракона
 которого ты прежде не видел

ШАР

Я выговаривал шар изнутри шара,
и губы мои дымились,
а сердце легло в урну и в прах.
Я позвал первую любовь
и последнего ангела,
зарубленного саперной лопаткой
на сельской дороге,
ушел за гортань и звук,
в рассеченную шею, и как бился голубь —
первое пламя листвы
и зеленые губы Иуды,
я плакал как фортка и стонал как ветер,
ушел от людей, деревьев,
дул в свою вену как в ствол,
отчаялся как океан
у безмерной фиалки,

и тогда шар выговорил меня.
И губы его были в крови.

ПРЕВРАЩЕНИЯ

Глаз смотрящий на бабочку бабочкой стал
а на землю – землей

зачем тебе дева вся если суть умещается в кулаке
внутреннего тела
как силомер стеклянный и

живет снегирь трехгрудый в сердце твоём
а в черепе черпает мысль черепаха

пуговицы от бюстгальтера отпечатались на белой
спине
аккордеона короб сжимал танцы и
блужки меж белых ног живут белые птенцы и буква
из воздуха за которой гонялся плутарх

твой влажный глаз и алый рот —
простор метаморфозы
ты рассасываешь землю в себя
так рыба превращается в воду
в без человека – грот
в сто губ набухнувших молчащей розы

убитая Кассандра кровью говорит
без слов и снег летит

и догоняет вещего Эдипа
и красным комом по сердцу стучит

И ты ложишься в челн как рыба
и в самолет садишься гнутой птицей
иходишь в яблоко всем яблоком глазным

тебя земля стирает словно складку
пощелкивающий утюг

пространство взгляда где ты еще не танкер
но уже не человек
Кто взапуски бежит в нем на прозрачном месте
блоха или гомункул —
и темя гераклита на ладони —
с живой водою огненная плошка —

птичья точка где тебе переливаться
из себя в себя
всеми монстрами совокуплениями зевсами
как оренбургский платок продернуть
сквозь кольцо лица

и в мать ложимся матерью зеленоглазой

РОЩА ЭВМЕНИД /ЭДИП И АНТИГОНА В КОЛОНЕ/

этот воздух беговой
весь соловый легкой

и шершень с губ слетает эвмениды
и гул в груди гуляет и гулит
и мы стволем с судьбой и солнцем слиты
и лист со лба как крышка отлетит

как саксофон кровь тяжестью прогнута
и в танкере ребро длиной не достает
до горла серого и синего мазута
до выпуклых глазниц где соловей поет

олень опять выходит из оленя
и пустота из пустоты в просторный сад
царь из царя колено из колена
из девы дева и из брата брат

облеплен полым воздухом из арки
как полиэтиленом бьешь веслом
и дышишь грудью порванной и жаркой
и вестник длинногубый невесом

и соловьи как трубы из органа
тебе поют из красного стакана

*твой красен шаг
и бел твой путь
как матери
уста и грудь*

ты втягивался как в пяту
улитки ласточка звенела
и уходила в высоту
луча что не отринул тела

«СМЕРТЬ ПРИХОДИТ С КОНСКОЙ ГОЛОВОЙ...»

смерть приходит с конскою головою
спеть хрустальную песенку
бабочки мать хлоя кружатся вокруг Пана
наподобие нимба Пан возбужден
Вместо одной пушки на станции В.
стоит другая Мы долго искали ту
что стреляла по танкам

Когда плывешь вода прогибается
словно стеклянная женщина

Внезапно оглядываешься на прошлое
так быстро
что на затылок накладывается еще одно лицо
вот так воровски и входит в кровь
настоящая рим с триумфом и Янусом арки
пропахшей мочой
а мальчики убивают друг друга снежками
а он целует белые трусики
на лавочке в парке
и что-то бормочет об антигоне

Волга стекает с затылка изменяя

разиных голубей вообще имена
и ты просто идешь по улице совсем как клерк
вцепившись в ржавую лиру ребер
 рассматривая что-то там
 звездной головой
то ли шепчешь что, то ли плачешь
это как есть стеклянные имена родителей
или грызть сахар звезды

СНИГИРЬ

Снигирь безрукий песнь поет суворов
нет им земли себя чтоб различать
вложить как слог губной как птичий говор
от плоти плоть – в земную эту пядь

нас нет покуда длится это лето
с войной и бабочками с тишиной
мы – *то в чем это есть* как омут света
вмещающая все бездонной глубиной

сам дрозд и я с дроздом дружу милуюсь
и с ласточкой глоток воды делю
нелетны как они в крови взрываясь!
как хлопотны как стоят по рублю !

Суворов пой расти петушьим сердцем
Державин плачь всей розою грудной
снигирь поет придвинув небо цейсом
и флейта множит прах земли живой

СНЕГ

Белый снег падает на землю.
И лишь коснется —
не отличить черного быка
от вырытой могилы
даже на ощупь.

СНЕГ 2

Снег сыплется из глаз и из-под век,
из-под век Блейка сыплется снег и разлетается
по пространству и покрывает, и покрывает,
умножая и множа, жаля и изменяя,
и покрывает башню, шпиль над ней,
и покрывает часовые стрелки,
и барк в порту, на улице – коней,
стоящих в снеге, как на дне тарелки.

Снег сыплется из глаз и из-под век,
преображая Тейлора и Смита,
выбеливая шляпы, чуткий снег
покрыл равнины и летит сквозь сито
из глаз и век.

А Блейк застыл один —
он знает про окно восприятия, мистер
пророк, знает, что каждый видит
лишь то, из чего он сам состоит, в основном, —
у кого-то голая девка, а у кого-то
куча монет, а у него – то, что Бог
дал видеть сквозь окно созерцания,
ибо снег воображения – это реальность,
большая, чем основная, всем доступная,
делающая из людей бл-х ангелов,
сплошное непотребство, сортирную вонь.

Снег покрывает площадь и газон,
и шлюпки дно, и шляпу, и заборы,
он бел и легок, он похож на сон,
он из-под век, он вхож в дворы и поры.

И каждая снежинка – человек,
завитый в раковину, словно в пламя,
из глаз своих завитый в из-под век
летающий снег людской, что дышит нами
и создает дракона за углом,
за ним мальчишку-трубочиста в саже
и белый барк, и белый-белый клен,
и ангела, и столб, и экипажи.

Живой сей снег есть то, что ты творишь,
и сам ты снег, и сам из глаз летишь,
себя им множа, облепляя мир,
и звери в нем снуют из нор и дыр,
и на трактир архангел наступил,
второй за снежной тучей протрубил,
снег на Вестминстер сыплется, дрожа,
и, как Левиафан, плывет баржа.

И пахнет дымом, елкой и зимой,
а он, как снегоуборочная машина,
мечет снег яви из глаз на
весь мир, мистер Блейк, в шляпе и перчатках,
и кричит в снегу петух и мочится козел у забора.

Гав-гав, говорит собака, и он отвечает: гав-гав !
И каждое слово снежинка, каждое – человечек.
Гав-гав, говорит пес, ку-ка-ре-ку – петух,
а снежинка молчит, раскалена
пламенем, как немой логос.

Баржа уходит, и снег заносит ее пустую корму,
и из окна вослед ей смотрит архангел Рафаил,
словно большая белая женщина с усиками
или рыба белуга, полная икры.
...на камни, на брусчатку, на сады,
на яблони в садах, на сердце яблок,
на сердце их сердец, на шум воды,
на сердце света в сердце сироты,
и прыгает в ветвях бессмертный зяблик.

«Расскажи, ракушка, вырванным языком...»

Расскажи, ракушка, вырванным языком,
что Ангел тебе говорил на адыгейском, глухом,

как узнал в тебе узел, что развязался в плач
мальчика на снегу, в коротковатый плащ,

как вы в трех мирах разъяты, разнесены,
завязались в узел средь развязанной тишины

и стоите тихо, как незнакомый бог,
и снег идет, и падает на порог

дома, где мама воеет и отчим, пьян,
наискось рвет на груди баян,

как сыплется снег, никому не знаком,
и как трое стоят световым комком,

расскажи мне, ракушка, вырванным языком.

СОБЫТИЕ

Рыба-гора подплывает к Блейку и тихо свистит
ангельским свистом, пастушьей свистулькой,
а за окном:

мальчишка с ветряной мельницей в руках, дым над
крышами, солдат-инвалид, пятна гортензий в окнах,
трактир, телега с бочками, крики рабочих с речки,
существо без крыльев, голое как мешок, больше
Тауэра, простерлось до звезд, раздутое, без слов, без
жабр, без глаз, и песни из трактира, водокачка, клетки
с птицами, франкмасонская таверна, на дверях табличка
«Лекция о Платоне мистера Томаса Тейлора», Mr. Taylor
on Plato, раздутое как мешок, без слов и без жабр,
выше башни, снежок и пятна навоза.

Слова не жабры, и жабры не слова.
У слов есть жабры, и тогда они плывут как рыба,
а если узоры, то летят как бабочка.

Рыба подплывает к Блейку и тихо свистит.
Океан блещет гравировальной волной.
Из горла мистера Блейка рыбе отвечает птичка.

ТОВИТ

Трупы приходят и уходят
как медведи или облака,
как ветер или корабль.
Товит хоронит трупы,
окунается в скверну.

Приходят и уходят, как берега,
как новая кровь в красных колесах
арт и вен. Как зима или осень.

Товит кладет труп в прозрачную сферу,
вкладывает сферу в другую сферу,
а ту еще в одну небесную сферу,
и сферу Юпитера в сферу неподвижных звезд
вталкивает Товит плечом мускулистым,

как камень вкладывают в центр
бегущих по пруду кругов,
и стеклянная лодка последнего неба
уносит ожившее тело.

Трупы приходят и уходят,
оживают, снова уходят,
небеса сворачиваются и разворачиваются,
как баян или гимнастерка.

Товит сжимает кремень в горсти —
выбегает из камня слеза.

Небо сжимает Землю кулаком мускулистым —
выступает из праха Товит.

ЧЕЛОВЕК-КОЛОДЕЦ

Мимо автомобилей, фосфоресцирующих, как перегной,
человек-колодец раскрыт во все стороны плещущей
глубиной.

Как ветер, парусник, парусами поймав, ведет,
иль чуткой бровью щекочет луну кот,
он ловит внутренний шум шорохов, гул пустот.

Космической станцией над тротуаром висит,
серебряный лабиринт, невесомый монстр,
живой головой в толпе шелестит,
уходит ручьем в овраг, под змеиный мост.

Сорок срубов он держит в себе, глубиной дрожа,
как штангу в рывке силач, если рвануть вовнутрь,
и стоит, словно черный джип средь стеклянного гаража,
и сыплется, хрупок, хрустален, как плот, пруд.

Кто ему песни пел, кто по нем горевал,
свечку кто задувал или к плечу приник?
Но стонет, Лаокоон, разведя себя змеем в провал,
чтобы шел, удлиняясь, в черную глубь крик.

Ему друг – заводная пуля, колодезный ангел, пес,
что сбегал с живодерни и роет в себе дыру,
да срамной Катулл, что хрипит и, как танкер, бос,

подыхая от полнолуны, полыхающего по нутру.

Человек-оркестр колодцами втянут, как
рояль что изогнут вовнутрь нарастающей тягой струн,
чтоб до сердца тонул моцартов вещей пятак,
человеком вставал неоплаканный в поле труп.

Он плывет по волнам, завязывая волну,
в узел жизни – солдат, земли нестерпимая ось,
от него лучу прямей и круглей холму,
и воздушному кораблю в свете играть насквозь.

Персефона тебе сестра, а брат закадычный – холм,
то-то тихую песнь поют, то-то бредит брод...
И стоишь ты в колодце лучей, нестерпим и гол,
и немая вода вяжет черный от вопля рот.

«Куда уходит юла, пока стоит...»

Н. Болдыреву

Куда уходит юла, пока стоит?
В рощи, осенние рощи уходит юла,
где деревья гудят, как она,
как она, идут.

А на Луне Каин хворост несет
в бесшумной, как гул, тишине.

Куда уходит зеркало, пока стоит?
В рощи, осенние рощи уходит оно,
может, пруд отразит, облако, может, селезня.

Куда ты уходишь, селезень,
когда гудишь, как юла,
отцеживая вес, словно запотевший фужер?

Куда мы все собрались, стоим,
покачиваясь, кивая, хватаясь
за ускользящую вертикаль.

ОСЛЕПЛЕННЫЙ СОБОЙ

На одном колене, как Геракл от душ,
ты защищался от слепых век,
облепивших тебя, как раковины
корпус судна. В каждой жил мир,
тот, что ты видел прежде, но
тебя звала полная слепота,
ты защищал ее,
отдирая с себя твердых моллюсков
с тиканьем сердец меж створок, с криком:
«это ручей! » , с лунным отсветом белых ног.
Никто не ослеп сполна.
Никто не отдал все свое зреньё богиням,
дочерям Памяти, чтобы принять взамен
голубую свистульку, босые ноги
и странный предмет, который не опознать.

НЬЮТОН

Воображение есть форма красоты,
и караван идет в воображенье,
и им рожден – бескрайний караван
из голых Ньютонов идет в пустыне,
и снег летит на камни и песок,
на двойников, бредущих к горизонту
с лиловой и смиренною звездой,
и на полип, который, словно мозг,
иль мускул, заживо прилип к плите
и движет землю, камни и людей,
и тварь, которой мозг принадлежит,
вопит от нестерпимого усилья,
и сокрушает ось земную
удар Левиафана.

Порхать, как бабочка над солнечным ковром!
И Расскажи мне, маленькая фея,
крошечным ртом о мире и гигантах, —
бормочет Блейк, и лоб его блестит.

МЕЛХИСЕДЕК

Как пузырьки
отрываются от дна котелка,
отрывались эти люди и смыслы
с их словами про жизнь, силу и войны,
про женщин, банки, путешествия и
государственные задачи,
а потом рассеивались в воздухе паром,
смешивались с туманом,
рассеивались без следа, – сказал Мелхиседек, —
и добавил, вздохнув:
не создав ни одной стоящей песни.

БЛЕЙК. ФРАГМЕНТ 4

И пришел ко мне ангел, и был он как черный куб.
Я не ковал этот куб, не мыслил, не трогал его перстами.

И пришел ко мне другой ангел, и был он как пустота.

И в них рождались миры и кричали дети, и рожали женщины, и мочились мужчины у стен.

Я спросил – вы ли вестники конца времен?

И они ответили – радуйся и плачь, соделай из себя гроб,
маленький детский гроб, сегодня закончилось Время,
на Поланд-стрит битюг задавил нищенку с младенцем —
упокой их и схорони меж звезд, на кладбище за мостом.

И пришел Дракон, чтоб меня пожрать,
но гроб опалил ему глотку. И черный куб стал моим
правым глазом, а пустота – левым.

И я иду в свою мастерскую, и пламя от плеч моих
достает до кораблей и птиц Небесного Иерусалима,
не изменяя ни единой снежинки, ни к кому не зывая,
зачиная новые звезды.

Ангелы дети
снежинки летят

нет в целом свете
детям преград

Буквы и дети —
ангельский труд —
белые клетки
поразомкнут

Темза ограда
белый пустырь
пенье из сада
и монастырь

Лик из-за лика
свет от луча
миг из-за мига
снег и свеча

ПТИЧИЙ ПРОРОК

Лене Резниченко

Птичий пророк, птичий пророк,
бодает воздух как носорог
от синевы промок
не идет на порог

говорит языками тенькает-свиристит
птичья яма сердце его честит
к небу прибит

Баламутит простор крутит свою карусель
вся его плоть – хрустальная трель

Как Товий в рощах хоронит птиц
с Ильей воскрешает детей и дев
и плачет в воздушную глину ниц
как соловей и рычит как лев

Невесом невесом
по рощам катится колесом
с горем луковым ест пирог
птицей заморскою говорит
в синеву потолок
голубятни его открыт —

для птичьих речей для ангельских стай
от тех кто ничей до тех, кто за край
от вещей слепцов до подлых отцов
для мальчиков-девочек-бубенцов

Не говори ему ничего
взглядом одним озари чело
и как пламя поймешь человечью речь
что любовь это синее небо с круч
и что правда – кирпич домовитых туч
говоренье губ воскресенья луч
для привставших плеч

И как в воду войдешь ты в собачий лай
в соловьиный хрип и в касаткин рай
сладкий хлеб жуешь
с медом кровь живешь
среди вещей предвечных сердечных стай

Ах ты воздух в дантовом колесе !
легких уст занебесная чехарда
верный пес подышающий на росе
в синеву плывущие города!

Говори пророк за пятак за воздуха кипяток
за правду дрозда за красную грудь клеста
за краткую жизнь за долгий ее глоток
за полет листа – не умолкай браток

«Дельфин безбородый...»

Е. З.

Дельфин безбородый
простор бороздит
и слезной породой
дороги мостит

Как термос насущный
он вывернул свет
вовнутрь и несущей
изнанкой одет

Продольная мышца
слепого пятна —
подобие мысли
в прорыв полотна

И кем кто играет —
то ль оком дельфин,
то ль око без края
изгибом глубин

«Запредельного неба брус...»

Г. Власову

Запредельного неба брус,
я тебе, зернистому, раб,
словно ров по тебе слоюсь,
неразрывному телу рад.

Окружило меня зерно,
то звезда, а то вещей глаз,
и стою я, веретено,
в узком небе, где двое нас.

Как, рождаясь, трещит по швам
в четырех лучах позвонок!
Нераздельная синь и срам —
не уйти от тебя за порог.

А зайдешь, так станешь звездой,
синим зверем, жестким ручьем,
белой бабой с кривой косой,
рыжей тварью, слепым огнем.

И трещит во мне позвонок,
и выламывается, гремя,
из себя самого, как глоток

из глотка своего, из огня.

Из себя самого – белый сам,
из куста и плеча – черный куст,
и лазурь словно Лазарь глазам,
что воскреснет без тела и уст.

Из разлома – разлом, рот живой —
изо рта, словно удалено
небо небом в тебе и тобой,
и единою птицей черно.

ИЗ ПЕСЕН НЕВИННОСТИ

Поднимался в воздух человек
всей разжатой стаей рук и век,
состоящих вновь из человека,

и, как ласточки вне лета и зимы,
сразу в Африке и возле Костромы,
он летел и гнезда вил из снега.

Мы бессмертья – лики, не творцы,
если б только мы прочесть умели
след улитки, серебро ручья,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.